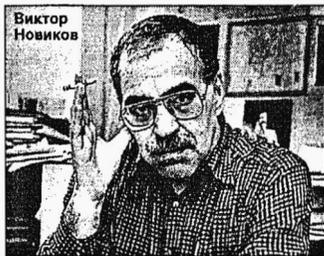

Театр живой и мертвый

Почему сегодня в театрах практически обезглавлен директорский корпус? Потому что многие профессионалы ушли в бизнес

Виктор Новиков

О способах выживания современного городского театра обозреватель «МН» Нина АГИШЕВА беседует с Виктором НОВИКОВЫМ который девять лет руководит Петербургским театром имени Комиссаржевской.

— Чем отличается ваш театр от других питерских коллективов?

— В его стенах с 1904-го по 1906 год играла Вера Федоровна Комиссаржевская, а 18 октября 1942 года здесь открылся Блокадный театр: солдат, защищавший Ленинград, привозили в театр к пяти часам — спектакли начинались раньше обычного, чтобы они закончились до комендантского часа. Наша традиция — в сочетании новаторства дореволюционной труппы и гражданской, патриотической темы, идущей с блокадных времен.

— Каковы нынешние составляющие зрительского успеха?

— Первое, что приходит в голову, конечно, звездные имена. Их в нашем театре нет — есть просто очень хорошие артисты. Поэтому скажу о таком тонком и важном деле, как доверие театру. Его можно подорвать очень быстро. У нас есть своя публика, в основном техническая интеллигенция и студенчество. И, выбирав драматурга, режиссера, художника, мы стараемся этого зрителя не обмануть. Выдающихся постановщиков перечесть по пальцам, но у любого профессионального режиссера может получиться замечательный спектакль. Сейчас значительно больше хороших театральных художников, поэтому спектакли часто придумывают именно они.

— При сегодняшнем клиповом сознании, мощном телевизионном да-

лении чем может заинтересовать зрителя сцена?

— Мне кажется, мелодрамой, комедией, высокой драмой. Трагедией меньше — их слишком много в жизни. Но не все так просто. Например, мы решили ставить «Яму» Куприна, пригласили композитора Андрея Петрова, художника Георгия Алекси-Месхишвили. Ставил Александр Исаков. А получилось меньше того, на что рассчитывали. «Бурю» Шекспира — сложнейшую пьесу — поставил болгарский режиссер Александр Морфов с художником Эмилем Калелюшем. Долго колдовал над макетом, приглашал специалистов из цирка, чтобы учили актеров ходить по канату, пробовал карликов на роль Калибана. За неделю до премьеры мне казалось, что провал неминуем, но на спектакль невозможно достать билеты, он ездит на фестивали, о нем много пишут.

Другой пример востребованного спектакля — «Утоли мои печали» петербургского автора Сергея Буранова. Пьеса про нашу жизнь, понятные всем проблемы, но без жалоб, а с интонацией, как у Наума Коржавина: «Время — время дано — это не подлежит обсуждению. Подлежишь обсуждению ты, разместившись в нем».

Давно известно, что есть мертвый и живой театр, и сегодня многие театральные критики почему-то лучше воспринимают именно мертвый. Живой им кажется обремененным, поверхностным. Это обстоятельство во многом спровоцировало резкое разделение больших и малых сцен, что представляет немалую опасность: многие молодые режиссеры уходят в малые формы, боятся крупных площадок и стремятся работать для

«посвященных». Значит, через несколько лет просто некому будет работать с большим пространством.

— Такой тип спектаклей «для посвященных» Марк Захаров удачно назвал «театром в лифте».

— Зачем тогда огромные театральные площадки, замечательные залы? Сам репертуарный театр, наконец? Сейчас возникла целая когорта профессиональных тусовщиков, которые выбирают себе режиссера, иногда очень малого дарования, и создают вокруг него ажиотаж. Но, как всегда в России, чтобы кого-то поднять, надо кого-то уничтожить. И они занимаются истреблением тех, кто рядом с их кумиром. Похоже, между прочим, происходит и в политике.

— Сегодня все чаще театром руководит не режиссер, а театральный критик, как вы или Яак Аалк в Эстонии, который впоследствии стал вообще министром культуры. Какие здесь плюсы и минусы?

— Может быть, критику легче выбрать пьесу и уж точно больше шансов пригласить хорошего режиссера, потому что у него нет собственных амбиций. Минус в том, что я вправе делать замечания артисту с точки зрения театроведа, а не практика, я не могу вводить в спектакль нового исполнителя. Моя любимая профессия — завлит театра — сегодня исчезает. Ставь что угодно, да и каждый режиссер сам знает, что его интересует. Хотя порой кажется, что это пренебрежение идеологическое давление было слабее нынешнего экономического.

— Вы 30 лет прослужили завлитом и прочли огромное количество пьес. В современной драматургии вам что-то интересно?

— Почти ничего. Боюсь, что в своем развитии я остановился на Александре Вампилове, Люпмиле Петрушевской, Алле Соколовой, Семене Злотникове, Александре Галине. Очень люблю Григория Горина и считаю его выдающимся драматургом на все времена. Большую роль в публицистической драматургии сыграл Михаил Шатров, и мне жаль, что он перестал писать.

Читая новые пьесы, я не могу продаться сквозь слова, понять, как они

складываются. Да и молодые режиссеры практически не ставят своих сверстников. Слова обесценились, и, может быть, в этом одна причина неудач новой драматургии.

— Но ведь обновление театра в том или ином виде неизбежно?

— Конечно, театральная система остро нуждается в реформировании. Возможно, имело бы смысл собрать все известные театры, их пять-семь в Петербурге, под единой дирекцией наподобие существовавшей когда-то дирекции Императорских театров. Тогда многие экономические, социальные проблемы решались бы проще.

— Какова, по вашему мнению, судьба репертуарного театра — священной коровы нашего сценического искусства?

— К сожалению или к счастью, но неизбежно изменятся и формы существования репертуарного театра. Пока он выживает, но уже раздаются голоса: господа, кому принадлежит помещение — театру или городу? Если город, почему не собираете зрителей? Мы найдем другого режиссера, у нас будет работать другая труппа. Вы ответите: нет, мы театр-дом, мы привязаны к этому зданию. А если вас не послушают — и будут правы! Теперь пофантазируем: существует некая общегородская труппа и несколько площадок — больших, средних, малых. Один режиссер занимает близкое ему по духу пространство малой сцены,

другой — большую и так далее. Все точно расписывается на сезон. Обслуживает эту новую театральную систему мощная единая информационная и пиаровская служба. Конечно, при нашей жизни многие проблемы решены не будут, но, мне кажется, двигаться театр будет в эту сторону.

Да, я за театр-дом. Но сегодня артиста Театра Комиссаржевской можно увидеть на сцене Александринки, АБДТ, любого ДК, где есть антреприза, кого-то со стороны приглашают к нам, теперь это в порядке вещей. Подобные процессы неизбежны, но развиваются они безо всякого государственного влияния. А я убежден, что такое влияние необходимо. Нужна русская классика? Конечно. Значит, Министерство культуры или Комитет по культуре должны находить деньги на такие постановки. Или на дебют молодого таланта. Только в этом и должна заключаться культурная экспансия.

И что бы мы ни говорили, большие сцены все равно должны приносить коммерческий успех, иначе их существование лишено смысла. Рухнула такая важная составляющая театрального бытия, как гастроли: ездить не на что. Зато в каждом городе есть свой театр, часто откровенно плохой. Так, может, лучше привозить туда спектакли из городов, где есть серьезные театры? Сцена живет в ожидании коренных перемен, поэтому лучше заранее их осмыслить.

Сцена из спектакля «Буря», на который невозможно достать билеты